6 Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Т. 4. М., 2003. С. 246.
7 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 221–222.
8 Там же. С. 244–245.
9 Подробнее см.: *Шубин А. В.* Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918. С. 30–53; *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. С. 60–77.
10 Подробнее см.: *Шубин А. В.* Великая испанская революция. М., 2012.
11 Подробнее см.: *Богуш Е. Ю., Щелчков А. А.* Политическая история Чили. М., 2009.
12 Подробнее см.: *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997. С. 306–312; *Соколов Б.* Защита Всероссийского Учредительного собрания // Архив русской революции. Т. 13. М., 1992. С. 5–62; *Шубин А. В.* Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918. С. 190–199.

УДК 94(47).084.1
УДК 94(47).084.2

К. Н. Морозов

Эсеровская демократическая альтернатива Октябрю 1917 г.

Начну с того, что большинство историков весьма настороженно относится к попыткам разговора о возможных альтернативах развития в истории (ретропрогнозирование). И для этого есть вполне объективные основания и причины. Их, на мой взгляд, несколько. Прежде всего для многих вполне убедительно звучит знаменитое: «История не знает сослагательного наклонения». Казалось бы, как с этой аксиомой можно спорить? Но дело в том, что это утверждение аксиомой является только для свершившейся истории, которую нельзя переиграть еще раз. Но для находящихся в точке бифуркации событий возможны разные альтернативы выбора и путей развития (и рисунка) событий. Примечательно, но мало кто отрицает в обыденной жизни гигантскую роль того или иного выбора, той или иной альтернативы в точках бифуркации и ее влияния на судьбу индивидуального человека. Даже на уровне обыденного сознания такая связь большинством людей осознается и не отрицается, но когда речь заходит о возможных альтернативах в развитии общества, то немедленно со всех сторон раздается: «История не знает сослагательного наклонения». И надо сказать, далеко не всегда эти окрики в нашей истории были безобидными и имели мирные последствия.

В советские семь десятилетий общество так долго самыми разными способами «убеждали» в исторической закономерности прерывания «пути Февраля» и неизбежности и предопределенности победы Великой Октябрьской социалистической революции, что до сих пор для многих людей закономерно возникает вопрос о самом наличии альтернатив в 1917 г. Действительно, любая попытка обсудить возможности альтернатив в 1917 г. или в годы Гражданской войны в сталинские десятилетия, как правило, заканчивалась приговором до пяти лет (а потом, с конца 30-х гг., и до десяти) по 58-й статье, п. 10. В более поздние советские годы (за исключением поздней перестройки) последствия были не столь гибельными, но всё же весьма суровыми. Не в этом ли одна из причин того, что миллионы людей до сих пор уже на уровне рефлекса спешат согласиться с тем, что «история не знает сослагательного наклонения»?

Но историки не любят разговоров об альтернативах, на мой взгляд, по двум другим главным причинам. Во-первых, чем дальше выстраивается возможная альтернатива и чем дальше мы уходим от состоявшихся событий и известных нам фактов, тем сильнее историк встает на зыбкую почву предположений и гипотез. Во-вторых, на эту зыбкую почву обожают вставать разного рода публицисты, политики, конспирологи, которые преследуют свои политические и идеологические задачи, далекие от науки. Можно сказать, что у части общества накопилась такая усталость от попыток манипулирования нашим сознанием, что весьма развито и подозрительное отношение к попыткам осмысления различных альтернатив развития, и, что очень важно, за ними вообще отрицают научное значение.

Я, напротив, совершенно уверен, что исследование возможностей и потенциала демократической альтернативы в 1917 г. имеет прежде всего самостоятельную научную ценность, так как позволит изменить фокус зрения и преодолеть навязанную нам старыми подходами зашоренность взгляда — наше общество век плутало в трех соснах и его тщательно приучили за «деревьями не видеть леса». Мы сможем более внимательно и объективно посмотреть на процессы и тенденции развития и состояния российского общества, в котором активно шло формирование структур гражданского общества. У нас есть возможность по-новому посмотреть на вопрос о степени зрелости российского гражданского общества и на реальные восходящие модерновые процессы, которые недооценивались и упрощались. Это важно, так как до сих пор доминирует взгляд, что в России могла утвердиться только диктатура — белая или красная, и с порога отметаются попытки хотя бы проанализировать иные возможные альтернативы. Кстати, те, кто это утверждает, часто сочетают это с другой лже-аксиомой: «Россия к демократии не готова» и часто добавляют (иногда подразумевают): «И не надо!»

Я уверен, что в 1917 г. в стране созрели необходимые минимальные и достаточные предпосылки для развития по пути демократии — бурно шли процессы роста элементов и структур гражданского общества — общественных организаций, партий, профсоюзов. Восходящий поток роста и процесса развития

и укрепления всех этих структур был очень мощным. Ему противостоял поток нисходящий, особенно ярко проявившийся в годы Гражданской войны — архаизация, насильственные действия вместо мирных, распыление модерновости. Примечательны слова члена ЦК ПСР Е. М. Тимофеева, что они добились больших успехов в отрыве питерского пролетариата от большевиков к лету 1918 г., но недоучли традиции русского народа уходить от проблем — и рабочие из Питера летом 1918 г. побежали в деревни на прокорм, а сам пролетариат в целом стал деклассироваться и съеживаться.

На мой взгляд, альтернативные пути развития в истории, безусловно, существуют, были они и в России в 1917 г. Как безусловно и то, что и в предыдущий период были такие альтернативы, и наиболее возможным среди них долгие десятилетия являлся путь «конституционной монархии», по которому Россия не прошла до конца во многом из-за приверженности Александра III и Николая II идеям и практике «абсолютной монархии».

Советская пропаганда и историография убеждала нас, что Октябрь 1917 г. был предопределен всем ходом всемирно-исторического процесса. Сейчас, в канун столетия тех событий, этот тезис предопределенности и неизбежности Октября 1917 г. требует серьезного переосмысления. Давайте вспомним хотя бы знаменитые слова Ленина: «Вчера было рано, завтра будет поздно, поэтому власть надо брать сегодня». Действительно, к октябрю 1917 г. коридор возможностей для прихода большевиков к власти, сложившийся в силу различных субъективных и объективных причин, был достаточно узким. Они взяли власть, но это вовсе не значит, что это был предопределенный результат всемирно-исторического развития, и иных альтернатив не было и быть не могло.

Я полагаю, что после крушения монархии в феврале 1917 г. движение страны в сторону многопартийности, политических свобод и демократии, которые венчало долгожданное и легитимное Всероссийское учредительное собрание, было вполне закономерно и подготовлено предшествующими десятилетиями модернизации страны и происходившими в ней бурными процессами модерновости, приверженностью значительной части интеллигенции идеям демократии, развитием элементов, структур и институтов гражданского общества. Сегодня, в XXI в. мы понимаем, что именно этот путь в сторону демократии, политических свобод, парламентаризма, самодеятельности и самоуправления должен был стать для страны магистральным, тем более что большая часть общества фактически избрала этот путь своим голосованием на выборах в Учредительное собрание. И то, что страна была уведена с этого пути в силу целого ряда объективных и субъективных причин, вовсе не значит, что он был маловероятен.

Но, прежде чем мы станем говорить о самой возможности реализации эсеровской демократической альтернативы и о том, что этому помешало, во избежание путаницы отметим следующее. Партия социалистов-революционеров выступила на арену российской политики на рубеже 1901–1902 гг. как преемница и продолжательница идей и традиций старого народничества и прежде

всего народовольчества, которые относятся к старейшей из двух ветвей русского социализма — народничеству. Эсеры изначально не были идейно однородны, что приводило к самым разнообразным последствиям, в том числе и к возникновению фракций и даже к расколу ПСР, к появлению отличных друг от друга концепций о путях и методах достижения социализма и социального переустройства России (разной степени теоретической проработанности и отчетливости). Это важно, так как помимо демократической, была и недемократическая эсеровская альтернатива в лице эсеров-максималистов и левых эсеров, выступивших союзниками большевиков во время октябрьских событий, а затем, как известно, поддержавших разгон Учредительного собрания и вошедших в Совнарком. Демократической эсеровской альтернативе противостояла в конце 1917 — начале 1918 г. большевистско-левоэсеровская недемократическая альтернатива, которую большевики после подавления восстания левых эсеров далее реализовывали уже в собственном варианте и в одиночку.

На мой взгляд, уместно говорить о двух эсеровских вариантах народнической модели общественно-политического переустройства России — демократическом и недемократическом. Последний, трижды рождавшийся в разные исторические эпохи на левом фланге партии, может быть определен по самоназванию этих сил, под общим названием — левонароднический вариант народнической модели социально-политического переустройства России. Он известен в трех своих подвариантах — максималистском (1904–1906 гг.), левоэсеровском (1917 г.) и МПСРовском (1919–1922 гг.). Все они за рамками «демократического социализма» и вместо традиционной демократии (с отказом от Учредительного собрания) допускали ее усеченный вариант в виде «трудовластия» с ограничением прав «эксплуататорских классов» и в разное время выступали как союзники большевиков (часть из них, впрочем, позже стали бороться против них, а часть членов этих партий вошли в РКП(б)).

Демократический эсеровский вариант народнической модели известен в трех подвариантах. Наиболее известный, так называемый «черновский», «центристский», ставший своего рода «эсеровской ортодоксией», лег в основу официальной доктрины ПСР. Другой вариант был рожден на правом фланге партии и связан с именами Н. Д. Авксентьева, И. И. Фондаминского, В. В. Руднева, М. В. Вишняка и др. Именно эта группа внутри ПСР проделала самую заметную эволюцию к идеям социал-реформизма, рожденного в недрах западноевропейской социал-демократии, и уже в эмиграции ближе всего подошла к идеям «шведской модели социализма». Вспоминая о взглядах членов группы в 20–30-х гг., М. В. Вишняк писал: «Одной из характерных и существенных черт было то, что мы не исходили от социализма как основы основ или высшей и абсолютной ценности, а приходили к нему как к следствию и выводу, логически и исторически вытекавшему из гуманизма, демократизма, свободолюбия, достоинства человека, социальной справедливости <...> Социализм перестал быть для нас катастрофичным, строящим новое на отрицании и противоположении

всему предшествующему, обветшалому <...> Дух разрушения сменялся волей к творчеству и созиданию. Призыв к ненависти и классовой и национальной борьбе — зовом к солидарности, от класса исходящей и чрез солидарность нации к международному и общечеловеческому содружеству восходящей»[1].

По всей видимости, можно говорить и о складывании еще одного, более правого подварианта, оформлявшегося на правом фланге партии, вокруг газеты «Воля народа», и связанного с именами А. А. Аргунова, Э. И. Гуковского, П. Сорокина, Сталинского. К ним идейно были близки Е. К. Брешко-Брешковская, А. Ф. Керенский, Б. В. Савинков и др. Но в какой степени он сложился, требует исследования, так как часть его деятелей позже отошла от политической деятельности и от ПСР, как П. Сорокин и Брешко-Брешковская, Гуковский сотрудничал в «Современных записках» вместе с группой Авксентьева. Б. Савинков был исключен из ПСР в сентябре 1917 г. за двусмысленную роль в переговорах Керенского и Корнилова, и создал в 1918 г. свой СЗРиС, воссоздал в 1920 г. в Польше НСЗРиС, называл себя беспартийным социалистом и пытался сделать ставку на крестьянство. А. А. Аргунов вместе с некоторыми другими эсерами в 1922 г., так же как и Б. Савинков, эволюционировали уже за пределы эсеровского социализма и создали новую организационную структуру «Крестьянская Россия» с одноименным журналом, который на первых порах редактировали А. А. Аргунов, А. Л. Бем, С. С. Маслов, П. А. Сорокин. Кроме Бема — все бывшие эсеры крайне правых взглядов. Единственным крупным эсером правого фланга образца 1917 г., продолжавшим в 20–30-х гг. политическую деятельность в пределах эсеровской парадигмы, оставался Керенский.

Теперь обратимся к вопросу о самой возможности эсеровской демократической альтернативы. Увы, но сегодня в массовом общественном сознании эсеры — это революционаристская, террористическая, почвенническая партия, сочетавшая в своей программе социалистические утопии и консервацию патриархальных пережитков, своим террором разжигавшая накал страстей в обществе, открывшая дорогу большевистскому красному государственному террору, который трактуется как прямое и логическое продолжение эсеровского оппозиционного терроризма. Для большинства людей сегодня эсеровская демократия — это оксюморон. Была ли возможна демократическая альтернатива развития, под которой подразумевается дальнейшее развитие страны по пути политических свобод, демократии и парламентаризма, которое могло быть реализовано после победы эсеров в Учредительном собрании и при их определяющем влиянии на политическую жизнь страны? То есть речь идет о той альтернативе, в которой Учредительное собрание не было бы разогнано, а выполнило бы свое историческое предназначение.

Подчеркну, что речь идет, конечно, не о воплощении в жизнь эсеровской модели социализма, которая в полном виде была нереализуема, как и любая теоретическая концепция. Главное в том, что, с одной стороны, эсеры-центристы, правоцентристы и «правые» эсеры сохранили и развили бы институты де-

мократии и парламентаризма, действующие в условиях политических свобод и многопартийности, а с другой, эсеры делали ставку не на огосударствление всего и вся и подавление политических свобод, а на развитие самодеятельности, активности и самосознания трудящихся через их участие в органах самоуправления, профсоюзах, земельных комитетах, кооперации и Советах.

Почему представляется возможным говорить о возможности в 1917 г.демократической альтернативы, которую условно можно назвать «эсеровской»? Прежде всего, предложенная партией эсеров программа преобразования страны, где главными пунктами были «социализация земли» и федеративное устройство России, получила поддержку значительной части страны. Именно это позволило ей в 1917 г. стать самой многочисленной и популярной партией в России. Так, летом 1917 г. в 436 эсеровских организациях насчитывалось около 1 млн чел. (у кадетов в апреле–мае — 100 тыс. чел. в 146 организациях; у большевиков (осенью) около 350 тыс. чел.).

Еще более убедительным аргументом в пользу возможности общественно-экономических преобразований при доминировании эсеров представляется победа эсеров на выборах в Учредительное собрание, проходивших уже после захвата власти большевиками, всеми способами пытавшимися повлиять на ход и результаты этих выборов, но получивших 58% голосов (вместе с национальными партиями эсеровской ориентации) или 39,5% чисто ПСР (по подсчетам Л. Г. Протасова); впрочем, следует учитывать, что эсеры и левые эсеры шли по единым спискам на выборы в Учредительное собрание и лишь позже левые эсеры выделились в отдельную партию — ПЛСР, ставшую на короткое время союзницей большевиков.

Можно вслед за В. И. Лениным как угодно трактовать результаты выборов по губерниям, но то, что эсеры одержали победу с таким перевесом, несмотря на все свои предшествующие ошибки, весьма показательно. Традиционное ленинское объяснение популярности эсеровской партии и ее лозунгов, сводящееся к пресловутой «мелкобуржуазной волне», вряд ли может сегодня удовлетворить исследователей. Увы, и сегодня вот эти ленинские оценки, как и ошибочное представление, что сама суть эсеровской партии, ее душа и квинтэссенция — это террор, продолжают жить и уводить внимание от главного. Победа на выборах в Учредительное собрание ПСР и принятие законопроекта о «социализации земли» и постановления о провозглашении Российской демократической федеративной республики были не чем иным, как легитимной победой эсеровского демократической альтернативы, началом движения России по пути сохранения и развития политических свобод, демократии, федерализма, парламентаризма и целенаправленной защиты прав трудящих, к социальному государству. Именно этот путь развития, предложенный демократической частью эсеровской партии — и есть самое главное в ней, а вовсе не террористическая тактика, обращение к которой в начале XX в., на мой взгляд, было серьезной ошибкой, навредившей ПСР как массовой социалистической партии.

Что касается до сих пор встречающихся рассуждений о «мелкобуржуазности» и несоциалистичности эсеров, то следует понимать, что партия социалистов-революционеров была социалистической партией, принадлежащей к старейшей из двух ветвей русского социализма — народничеству. Сам же термин «мелкая буржуазия» требует намного более критического отношения. Он зачастую использовался как ярлык, который навешивали друг на друга, например, и большевики, и меньшевики.

Еще раз отмечу, что эсеровская демократическая альтернатива не просто стала возможной, но и начала воплощаться в жизнь самим фактом созыва Учредительного собрания, победой в нем эсеров и первыми же принятыми законами. Нет сомнений, что, не разгони большевики при поддержке левых эсеров и части анархистов Учредительное собрание, страна осуществила бы свой шанс продолжить свое развитие по пути сохранения политических свобод, многопартийности, демократии и парламентаризма. В. М. Чернов, анализируя причины выборных успехов ПСР, не только в первый период 1917 г., но и в его конце, констатировал: «Эти выборные успехи приходится всецело приписать огромной популярности, которую завоевала эсеровская программа, в особенности же два ее пункта: земельная реформа и требование федеративного переустройства России. Наоборот, источником слабости партии была ее тактика»[2].

В концепции эсеров «социализация земли» вытекала из идеи доминирования отрицательных сторон капитализма в странах догоняющего развития (предвосхитившей популярную ныне теорию о периферийном капитализме) и трактовалась как пробитие бреши в капитализме и вытеснение его из земледелия, где провозглашалось отсутствие частной собственности на землю, являющуюся общенародным достоянием и обрабатываемую крестьянами, связанными единой сетью кооперации, поддерживающими отношения с городом на основе рыночных, товарно-денежных отношений. Право распоряжения землей — у созданных самими крестьянами земельных комитетов и органов самоуправления, от волостного до общероссийского. Программа «социализации земли», обеспечившая эсерам грандиозный успех в 1917 г., явилась своего рода реваншем за провал народнического «хождения в народ» в 1874 г. Народники и эсеры смогли извлечь урок из этого неудачного эксперимента, когда они шли в народ пропагандировать свои взгляды, совершенно не понимая ни условий жизни крестьянства, ни его психологии. И то, и другое позже было очень серьезно изучено народническими экономистами, статистиками, социологами, писателями, и эсеры наладили обратную связь с крестьянством, создали такую модель преобразования страны, которая не только удовлетворяла большинство крестьянства, но и пользовалась большой симпатией и у пролетариата, и у немалой части интеллигенции.

Меньшевик-эмигрант И. Г. Церетели в 1952 г. справедливо отмечал, что до Февральской революции вопрос о жизненности крестьянской общины вызывал в России очень оживленные споры, в которых социал-демократы обе-

их фракций высмеивали эсеров, но «Февральская революция положила конец спорам по этому последнему вопросу: русское крестьянство, получившее возможность свободного волеизъявления, единодушно высказалось за общинное землевладение. Аграрная программа партии социалистов-революционеров настолько соответствовала идеалам и правосознанию русского крестьянства, что партия соц[иал]-революционеров, всегда имевшая особенно близкие связи с крестьянством, на другой день после революции стала единственной массовой русской крестьянской партией»[3].

Я солидарен с точкой зрения немецкого коллеги Манфреда Хильдермайера, который еще в 1992 г. написал в одной из своих статей: «Единственной партией, которая по своей социальной структуре и фактически модифицированной программе могла служить как форум выражения интересов всех основных групп, была партия социалистов-революционеров, за исключением крайне левых <...> Дилеммой России была заметная неравномерность ее политической и социально-экономической структуры. Плюрализм как средство баланса различных интересов был единственным шансом ее преодоления, а не та внутренняя война, которая была объявлена Апрельскими тезисами»[4].

Я бы еще добавил, что ПСР больше других партий подходила для такой площадки согласования различных общественных интересов. Кроме того, не надо преувеличивать сугубую крестьянскость эсеровской партии, когда даже саму их концепцию ошибочно называют «крестьянским социализмом». Кстати, сами эсеры среди своих учителей называли не только Герцена и Михайловского, но и Маркса и Энгельса. Главный теоретик эсеровской партии и автор ее программы В. М. Чернов, как он сам говорил, выступил в роли двойного ревизиониста, ревизовав старое народничество и марксизм. Говоря об эсеровском «ревизионизме слева», В. М. Чернов противопоставлял свою концепцию «ревизионизму справа», т.е. ревизионизму Э. Бернштейна и его последователей внутри немецкой социал-демократии. И в то же время большое значение для формулирования ортодоксальной (черновской) эсеровской концепции имело использование идей немецких так называемых правых социал-демократов Г. Герца, Э. Давида и особенно Э. Бернштейна. Главная идея Бернштейна стала основой эсеровской ортодоксальной доктрины — длительное поэтапное движение к социализму, который есть результат ряда последовательных реформ, совершенствующих экономику, право и мораль общества. А всё это время — длительный переходный период при существовании смешанной экономики, где продолжает развиваться капитализм в промышленности при ограничении хищнических наклонностей буржуазии.

Но здесь заключается парадокс. С одной стороны, идеи Бернштейна помогли В. М. Чернову, по его собственному признанию, не повторить ошибки марксистов-ортодоксов при формировании своих взглядов. С другой — «не бережное» отношение к капитализму, свойственное его концепции (и еще более свойственное максималистам и левым эсерам), привлекли к партии те левые

элементы с «нетерпеливым, резко-революционным и непримиримым темпераментом», которые были склонны к более решительным действиям. А у другой части эсеров, так называемых «правых» (группа Н. Д. Авксентьева) это отношение трансформировалось позднее в весьма «бережное» отношение к капитализму. Разгадка парадокса в том, что разные течения в эсерстве педалировали разные составные части «синтезной» ортодоксальной (черновской) концепции. И если почва для «левых» и максималистов имелась в той части концепции, где речь шла о возможности прерывания капиталистического развития в сельском хозяйстве (эта возможность трактовалась весьма расширительно), то для «правых» эсеров почва была в эволюционном характере эсеровской концепции. Эволюционность ее вытекала прежде всего из того, что решения поставленной задачи — соединения двух культур, двух цивилизаций, немыслимо достигнуть только хирургическими, радикальными методами.

Сами эсеры говорили о защите интересов «триединого рабочего класса», состоящего из пролетариата, трудового крестьянства и трудовой интеллигенции. Они говорили, что крестьянский череп не хуже черепа пролетария и интеллигента и вполне годится для принятия идей социализма. В целом можно констатировать, что это была одна из первых в мире попыток соединить ценности европейского общества и идеи модернизации с ценностями традиционного общества, значительной части русского крестьянства — с тем чтобы крестьянство максимально безболезненно влилось в новое модернизируемое общество. Эсеры центра и особенно правые подразумевали, что в течение многих десятилетий развитие будет идти по буржуазному пути, будет рыночная экономика, социализм наступит еще очень нескоро.

Что же являлось центральным элементом эсеровской демократической альтернативы или, правильнее сказать, эсеровского варианта народнической модели переустройства России? По этому вопросу существуют разные точки зрения. В. М. Чернов считал основным положением народничества «установку на предполагаемую революционность основной массы трудового населения России — ее крестьянства». Самая традиционная и самая распространенная точка зрения среди политиков рубежа XIX–XX вв., а потом и историков,— что центральным ядром народнической (и эсеровской) идеологии является вопрос об «особых путях» развития России, который до сих пор и доминирует.

Мне ближе позиция видного эсеровского публициста М. В. Вишняка, который уже в 50-х гг. XX в. оспаривал этот традиционный взгляд: «Если говорить о главном или главнейшем признаке в идеологии народничества, на протяжении всей истории народничества он выражается в признании народа определяющим агентом русской истории, ее правообразующим фактором — в меньшей степени в прошлом, в возрастающей степени в будущем»[5]. Не менее важным признаком народнической идеологии он считал подчеркивание ценности человеческой личности и создание демократического общественного устройства. Во многом с ним был солидарен и М. М. Карпович (один из авторов сборни-

ка «Судьбы России», изданного в 1957 г. «Объединением российских народников», возглавляемым А. Ф. Керенским), который отмечал: «Народничество 70-х годов было “религией социального долга”, но среди его учителей были Лавров, видевший главного двигателя прогресса в “критически-мыслящей личности”, и Михайловский, поднявший знамя “борьбы за индивидуальность” <...> Свобода личности была для них неразрывно связана с ее ответственностью, с сознанием ее нравственного долга перед каждым из “братий по крови”, как писал Белинский. В народничестве 70-х годов эта связь свободолюбия с народолюбием сказалась с особой напряженностью, и знаменитое “хождение в народ” при всей его политической неподготовленности и бесплодности навсегда останется примером высокого морального воодушевления и бескорыстной жертвенности. И так же, как в вопросе об отдельной человеческой личности, так и в своем отношении к народу (в условиях того времени это было прежде всего крестьянство) русская интеллигенция видела в нем не средство для достижения своих целей, не опытное поле для произведения социально-политических экспериментов, а своего рода коллективную личность, в которой она уважала ее самобытность и чаяния и нужды которой она стремилась познать <...> С признанием за народом права на самобытное существование была неразрывно связана идея народной самодеятельности, народного самоуправления. В своем логическом развитии эта идея приводила к мысли о необходимости создания в России правового демократического государства. Не все из свободолюбивых течений русской общественной мысли пришли к этому выводу с надлежащей быстротой, а некоторые из них вообще его не сделали»[6]. Подобного вывода не сделали и некоторые течения в народничестве. Но для большинства народнических течений ядро их взглядов было именно таким. Важен вывод Карповича, выражавшего общее кредо последних народников: «Подлинное возрождение России может произойти только на путях свободы и народной самодеятельности и в рамках правового демократического государства»[7].

Подобного вывода не сделали и некоторые течения в народничестве и в эсерстве. Но для большинства народнических и эсеровских течений ядро их взглядов было именно таким. И действительно, если задуматься о том, как в 1917 г. прошел водораздел, разведший по разные стороны баррикад и фронтов Гражданской войны социалистов — это как раз будет комплекс вопросов о личности, о демократии, о том, «социализм для народа или народ для социализма». Именно в ответе на эти вопросы объединились на практике, с одной стороны, эсеры и часть меньшевиков, с другой — большевики с левыми эсерами, частью максималистов, меньшевиков, анархистов.

Широкая популярность и поддержка, вкупе с приверженностью большей части партии идеям демократии, давали центристской и правой части эсеровской партии потенциальную возможность стать как центром объединения разных политических сил, так и властью, способной к эволюции под давлением жизни и интересов тех классов, чьи интересы она взялась защищать.

Часть эсерства потенциально способна была на такую защиту — на это толкали их традиции терпимости к инакомыслию, традиции народнического народолюбия, неприятие позиции «власть ради власти», которой придерживались те же большевики, желание прийти к власти демократическим, легитимным путем через всенародные выборы и нежелание разжигать в России костер социальных и политических экспериментов, что они считали гибельным для народов России, да и просто аморальным. Наконец, многие из этих людей вовсе не считали, что политика грязное дело, не считали, что мораль не должна влиять на их поступки, не разделяли иезуитского лозунга, взятого на вооружение большевиками: «Цель оправдывает средства».

Еще американский историк О. Радке весьма верно подметил, что эсеры никогда не стали бы стрелять в зажиточных крестьян, недовольных их аграрными преобразованиями. С этим можно только согласиться, добавив, что это же делало их способными к эволюции и изживанию утопических элементов своих взглядов под давлением жизни. Эсеры (за исключением эсеров-максималистов и левых эсеров) были приверженцами демократического социализма. Этот термин, кстати, эсеры и меньшевики очень активно используют с 20-х гг. Чуть позднее европейские социалистические партии тоже заговорят о ценностях демократического социализма и примут на учредительном съезде Социнтерна 3 июля 1951 г. Франкфуртскую декларацию как перечень принципов, озаглавленных «Цели и задачи демократического социализма». С этой точки зрения часть эсеров и меньшевиков — это, безусловно, представители демократического социализма. И эсеровская демократическая программа преобразования России и первые практические шаги в виде принятых Учредительным собранием законом — это всё до некоторой степени явилось предвосхищением практики европейских партий будущего демократического социализма (эсеры и меньшевики, боровшиеся с большевизмом, стали одними из первых его представителей). Волею судеб в России победившая на выборах Учредительная собрания ПСР на несколько десятилетий раньше европейских социалистов вступила на тот путь, который известен теперь как «шведская модель социализма».

И еще. Несмотря на некоторый утопический элемент взглядов и программы эсеров, на практике от их действий по защите политических свобод и прав, реальной и энергичной работы по развитию самоуправления, институтов и практики демократии и парламентаризма, по развитию муниципалитетов в городах и производительной сельскохозяйственной кооперации, по поддержке профсоюзов в защите своих прав перед работодателями — была огромная польза.

Как представляется, важны не утопические элементы их воззрений, а именно вот эта большая практическая работа, которая имела бы и гигантские результаты в деле превращения России в развитое европейское общество. И, что особенно важно подчеркнуть, люди в этом обществе были бы значительно более свободолюбивы, инициативны и защищены законом, чем в советском,

да и в постсоветском обществе. Но потенциальная возможность вовсе не означает реальное осуществление. Это две разные плоскости, которых почему-то часто не видят. Реальному осуществлению помешало множество причин самого как объективного, так и субъективного характера, и разной значимости. Потенциал эсеровской партии и ее людей оказался в силу целого ряда объективных и субъективных причин не реализован. Скажем здесь об этом по необходимости кратко, посвятив этому вопросу другую статью.

Часть причин состоит в объективных условиях, в том числе и накаленности социально-политических противоречий, вызванных чрезмерным затягиванием модернизации страны предыдущим режимом, всеобщим озлоблением и усталостью, обусловленными войной, в психологической привлекательности популистских лозунгов большевиков, обещавших «всё и сразу» в отличие от эсеров, предлагавших оборонять страну и откладывать проведение социально-экономических преобразований до созыва Учредительного собрания и т.д.

Об объективных обстоятельствах и причинах неудач ПСР в 1917 г. надо говорить всерьез, так как не следует забывать, как их оппоненты из большевистского и левоэсеровского лагеря, а затем и советские историки всегда затушевывали их, предпочитая говорить об «измене эсеров интересам трудящихся», о том, что эсеры продались «международному и российскому капиталу».

Безусловно, внешние условия для реализации созидательного потенциала как эсеров, так и других сил, стремившихся к развитию страны на базе сохранения демократии и политических свобод, были крайне неблагоприятные: ненависть и ожесточение, раздутые войной до небывалого уровня. Кроме того, нужно помнить об институциональной слабости только-только формирующихся структур гражданского общества и невысоком уровне политической культуры большинства населения страны. Особо отметим стремление масс «получить всё и сразу», родившееся, с одной стороны, из своего рода «отложенного спроса», с другой — фантастические социальные иллюзии масс, непонимание ими сложности социально-политического устройства общества и механизмов его функционирования и развития.

Фактически массы в условиях мировой войны хотели значительно большего, чем могла им дать самая искренняя, самая демократическая власть. Конечно же, на этом и спекулировали большевики, рвавшиеся к власти и готовые ради нее на всё, что, увы, и было продемонстрировано в полной мере в последующие годы. Парадокс в том, что пружину «отложенного спроса» и социально-политической неудовлетворенности сжимала десятилетиями старая власть, а сметать всё на своем пути она стала уже после ее гибели и виновными в этом назвали демократов.

Мне представляется, что у социалистов-революционеров был реальный шанс удержать Россию на путях демократии. Конечно, теперь мы знаем, что коалиция кадетов и социалистов-революционеров во втором и третьем составе Временного правительства себя не оправдала, но была и другая возможность —

создать однородное социалистическое правительство с участием всех левых политических сил.

Как справедливо говорила член ЦК ПСР Евгения Ратнер в декабре 1917 г. на IV Съезде ПСР, для этого нужно было созывать Учредительное собрание на 2–3 месяца раньше и как можно скорее осуществлять на практике аграрные преобразования. Ее вывод гласил: «Большевики здесь бесконечно виноваты перед историей: они ввергли Россию в нищету и поражение. Но виноваты и мы, ибо не сделали того, что должны были сделать... Мы не отстояли классовых интересов трудящихся»[8].

Безусловно, Всероссийское учредительное собрание надо было проводить еще в августе–сентябре, несмотря на сопротивление кадетов. Безусловно, Чернову надо было бунтовать против коалиционной политики ЦК ПСР и, опираясь на большинство эсеровской партии, создавать однородное социалистическое правительство. И вопрос о земле тоже нужно было решать как можно скорее, а не откладывать его до созыва Учредительного собрания. И нужно было, как он и планировал, оказывать сильное давление на союзников ради скорейшего заключения мира без аннексий и контрибуций. Если бы всё это было сделано к началу осени 1917 г., то захват власти большевиками стал бы маловероятным, а Россия имела бы реальный шанс на развитие в качестве демократической страны.

И хотя, несмотря на совершённые ошибки, эсеры получили поддержку большинства народа на выборах в Учредительное собрание, и демократическое развитие России, невзирая даже на захват большевиками власти, стало вновь вполне возможно. Но большевики уже, став властью, почувствовали ее вкус, воспользовались грубой силой и не дали легитимному волеизъявлению масс проявить себя в полной мере, разогнав Учредительное собрание и расстреляв демонстрации в Петрограде и в Москве в его защиту.

Завершая, хочу подчеркнуть, что демократическая часть эсеровской партии (правые, правоцентристы, центристы и левоцентристы) были принципиальными и последовательными демократами, более последовательными, чем основная часть меньшевиков и именно приверженность демократии, готовность ее отстаивать и бороться за право народа самому распоряжаться своей судьбой, и есть самое существенное с позиций нынешнего века в политическом наследии ПСР. Россия воспользовалась своим шансом на мирное и демократическое развитие и запустила демократический механизм на основе многопартийности, свободных выборов и политических свобод (что, собственно, и было проделано выборами и началом работы Учредительного собрания), но вот сохранить и упрочить обществу этот свой демократический выбор уже не удалось, так как разгоном Учредительного собрания началась неизбежная эскалация Гражданской войны.

Народ России своим голосованием на выборах в Учредительное собрание дал стране возможность пойти по пути демократии, предлагавшей шанс на жизнь в пространстве политических свобод и демократии и игры по новым, демократическим политическим правилам. Особо подчеркну, что страна по-

лучила также шанс на запуск механизма легитимной и мирной смены власти, когда левые партии периодически бы уступали бразды правления более правым (и наоборот). Победа на выборах в Учредительное собрание партии, большая часть которой искренне придерживалась принципов демократии, давал российскому обществу 1917 г. реальный шанс разорвать этот порочный круг цепляния за власть ради сохранения самой власти, приносящий стране лишь потрясения. На мой взгляд, в эсеровской демократической альтернативе ценна не только попытка пойти по пути решительных реформ к социальному государству и к модернизации, но еще ценнее то, что после них, когда/если они через несколько лет проиграли бы очередные выборы более правым силам, в России остался бы работающий механизма парламентаризма и смены власти демократическим путем, политические свободы, мощные профсоюзы и окрепшие институты гражданского общества, а не их созданные большевиками симулякры и укрепленные ими же недемократические традиции управления, не преодоленные и в постсоветское время.

Представляется, что та политическая система, которой дало жизнь Учредительное собрание, была бы очень похожа на послевоенную модель социального государства в Европе — ту модель, которая во многом и обеспечила ее мощное поступательное развитие. Но, увы, история страны разгоном Учредительного собрания была окончательно направлена на совершенно другой путь, куда как более драматический для страны и ее народов. Учредительное собрание давало еще возможность вернуться с пути Октября на пути мирного и демократического развития. Но эта возможность была безжалостно отброшена. М. В. Вишняк много позже в своих мемуарах констатировал: «Если Октябрь расценивать как легкомысленную или безумную авантюру, ликвидация Учредительного собрания была ничем иным, как предумышленным преступлением»[9]. Хотя и поныне многие не согласятся с подобной оценкой, но в любом случае бесспорно, что большевики и поддержавшие их левые эсеры разгоном Учредительного собрания сделали для страны неизбежной не демократическую, а совсем иную альтернативу.

---

1 *Вишняк М. В.* «Современные записки». Воспоминания редактора. СПб. — Дюссельдорф, 1993. С. 182–183.

2 Hoover Institution Archives. Collection B. Nicolaevsky. Box 10. Folder 5.

3 *Церетели И. Г.* Российское крестьянство и В. М. Чернов в 1917 году // Новый журнал (Нью-Йорк). 1952. Кн. XXIX. С. 219–220.

4 *Хильдемайер М.* Шансы и пределы аграрного социализма в российской революции // Историки мира спорят. М., 1992.

5 *Вишняк М.* Оправдание народничества // Новый журнал. 1952. Кн. 30. С. 232.

6 *Карпович М. М.* Традиции русской общественной мысли // Судьбы России: Сб. статей. Нью-Йорк, 1957. Вып. 1. С. 15–17.

7 Там же. С. 25.

8 Центральный архив ФСБ РФ. Н-1789. Т. 69. Л. 180–181.

9 *Вишняк М. В.* Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 382.